

V. ГОД А. В. КОЛЬЦОВА В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

УДК 378

«МНОГО ЕСТЬ У МЕНЯ ДЛЯ БЕСЕД КРАСНЫХ СЛОВ...» (Творческое наследие А. В. Кольцова в контексте современной культуры)

Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2009 г.

Аннотация: статья посвящена творчеству великого русского поэта Алексея Васильевича Кольцова. Авторы обращаются к тем представлениям о мире и человеке в нем, которые отражены в поэтическом слове. В этих представлениях проявляются глубинные свойства русского национального сознания. В современной социокультурной ситуации обращение к традиционным ценностям необходимо для самосохранения русского народа.

Ключевые слова: поэтический язык А. В. Кольцова, культурные традиции народа, творческая индивидуальность, духовно-нравственные ценности, образ мира.

Abstract: the article is concerned with creations of the great Russian poet Alexey Vasilyevich Koltsov. Authors appeal to those representations of the world and a person in it which are contained in poetry. These representations manifest the deep properties of Russian national consciousness. In a modern socio-cultural situation it is necessary for self-preservation of the Russian people to appeal to the traditional values.

Key words: A.V. Koltsov's poetic language, people's cultural traditions, creative individuality, moral values, image of the world.

Кольцов является со своими прекрасными стихотворениями
не вовремя или, лучше сказать, в дурное время...
Он является среди дикого и нескладного рева,
которым терзают уши публики <...> является в то время,
когда хрипкое карканье ворон и грязные картины будто бы
народной жизни с торжеством выдаются за поэзию...

В. Г. Белинский

Двухсотлетие со дня рождения великого русского поэта Алексея Васильевича Кольцова, имя которого для Воронежа значит то же, что имя А. С. Пушкина для всей России, — не просто серьезная юбилейная дата, а счастливая возможность обратиться к творчеству певца «народной жизни русского духа». Стихотворения А. В. Кольцова выдержали испытание временем и навсегда вошли в сокровищницу лучших образцов русской поэзии. Недаром М. Е. Салтыков-Щедрин так определил место и роль воронежского поэта в истории русского языка и русской литературы: «Он обогатил наш поэтический язык, узаконив в нем простую русскую речь, и в этом смысле он является в истории нашей литературы как бы по-

полнителем Пушкина и Гоголя и, несмотря на свою малую производительность, должен быть поставлен близко с ними как человек, давший нашей поэзии новую и чрезвычайно плодотворную точку опоры» [1, с. 52].

Современный историк, философ, писатель и публицист, доктор исторических наук С. В. Переверзенцев в своем фундаментальном исследовании «Россия. Великая судьба», отвечая на вопрос: «Зачем на земле существует Россия?», пишет: «И для отечественной истории, и для нашего настоящего самым глобальным вопросом оказывается вопрос о смысле бытия. И этот смысл нужно искать в глубинных, архетипических свойствах русского национального сознания, которое не может жить просто так, но только во имя четко сформулированных целей

и ясно осознанного, сердцем и раздумьем принятого смысла бытия», ибо «если нет смысла в нашей собственной жизни, то какая нам забота о том, как там будут жить наши потомки» [2, с. 7]. Этот поиск дает поразительные результаты, когда мы обращаемся к наследию поэта, чье имя вошло в историю нашего края и всей страны как неотъемлемая и непреходящая составляющая духовной культуры не только прошлого, но и будущего. «Он был более поэтом возможного и будущего, чем поэтом действительного и настоящего», — писал о А. В. Кольцове В. Н. Майков.

Прочтение песен А. В. Кольцова в контексте современной социокультурной ситуации, подход к анализу его произведений с инструментами, которыми вооружает современного исследователя филологическая наука, представляется нам не просто актуальным, но поистине злободневным, поскольку поэт возвращает нас к осознанию «сверхценности», без которой народ превращается в «этнографический материал, неотформатированную этническую массу, социальную глину», по словам великого русского историка Н. Я. Данилевского. Только возвращение к Традиции, которую человек получает по наследству, к Традиции, воспринимаемой как «груз ... благой и необходимый, когда человеческий разум обогащен знанием, ради чего этот груз следует нести...», придает смысл нашему земному существованию и является условием самосохранения народа [3, с. 17].

Именно это глубокое философское содержание предлагает осмыслить читателю поэт, возвращенный на русской песенной культуре, звучной и полной «преданьями родной страны», на традициях русской литературы, и в силу своих возможностей приобщившийся к богатству мировой культуры. Известно, что ему были знакомы не только стихи А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, но и произведения Гомера, У. Шекспира, И. В. Гете и др.

Поэтический язык А. В. Кольцова восхищал уже первых его вдумчивых читателей. В. Г. Белинский, чрезвычайно взыскательный и эстетически чуткий критик, писал: «Кольцов <...> никогда не проговаривается против народности ни в чувстве, ни в выражении <...> Даже в слабых его песнях никогда не найдете фальшивого русского выражения; но лучшие его песни представляют собою изумительное богатство самых роскошных, самых оригинальных образов в высшей степени «русской» поэзии. С этой стороны язык его столько же удивителен, сколько и неподражаем.

Где, у кого, кроме Кольцова, найдете вы такие обороты, выражения и образы, какими, например, усыпаны, так сказать, две песни Лихача Кудрявича?» [4, с. 114—115]. Эпистолярное наследие поэта высоко ценит Н. А. Некрасов: «Истинно драгоценная переписка Кольцова с Белинским, которая с перепиской Станкевича составляет любопытнейший памятник рукописной нашей словесности» [5, с. 123].

Именно поэтому творчество А. В. Кольцова постоянно привлекало, привлекает и будет привлекать к себе пристальное внимание литературоведов, критиков, лингвистов, пытающихся научными методами раскрыть тайну поэта, ответить на вопрос, что позволило его на первый взгляд незатейливым стихам превратиться в самое мощное по силе воздействия на душу человека песенное слово. Эту задачу «поверить алгеброй гармонию» решали многие известные ученые, в том числе и воронежские: В. А. Тонков, С. Г. Лазутин, О. Г. Ласунский, Б. Т. Удодов, В. М. Акаткин и др.

Исследованию разных аспектов языка А. В. Кольцова посвящены работы С. А. Кудрявцева, О. Г. Мельниченко, А. И. Чижик-Полейко, Ю. Т. Листровой-Правды, С. М. Медянского, А. Н. Беззубова, Н. А. Радиной, А. В. Степанова и др. Как известно, особое место в исследовании поэтического языка занимает его лексикографическое описание. Начиная с 1960-х гг. на кафедре русского языка Воронежского университета ведется работа над «Словарем языка А. В. Кольцова». Е. П. Артеменко, Н. И. Белоусов, Б. В. Кривенко, К. П. Ленченко, Ю. Т. Листрова-Правда и С. Н. Сычева под руководством Р. К. Кавецкой много лет работали над материалами к «Словарю поэзии А. В. Кольцова». В результате были изданы монографии «А. В. Кольцов: Указатель слов и форм слов в поэтических произведениях» (1991) и «Обратный частотный словарь поэтических произведений А. В. Кольцова» (1996) Р. К. Кавецкой и А. А. Кретьева (который включился в работу в середине 1990-х гг.). Насущной задачей представляется нам завершение этого многолетнего серьезного труда, что должно стать данью уважения нашему земляку и новым шагом в авторской лексикографии, имеющей чрезвычайно важное лингвокультурологическое значение.

Поэзия Кольцова (прежде всего, его песни) уже при жизни поэта получила признание как у представителей интеллигенции (талант А. В. Кольцова высоко оценили В. Г. Белинский, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, В. Ф. Одо-

евский и др.), так и в народной среде. Песни А. В. Кольцова, во многом порожденные этой средой и соответственно понятные и близкие ей, легко фольклоризировались [6]. Творческое наследие поэта не просто сохраняет свою высокую художественную ценность, но и обретает новое звучание. В связи с этим интересно следующее высказывание самого А. В. Кольцова: «Я думаю, в той же душе, на том же инструменте, на котором народ выражался широко и сильно, при других обстоятельствах может выражаться слабо и бездушно. Особенно в песне это заметно; в ней, кроме ее собственной души, есть еще душа народа в его настоящем моменте жизни» (В. Г. Белинскому, 28 сентября 1839 г. [Воронеж] [7, с. 94]). Не случайно поэзия А. В. Кольцова вдохновила и многих выдающихся композиторов (М. Глинку, А. Даргомыжского, А. Рубинштейна, Н. Римского-Корсакова, А. Глазунова, М. Мусоргского, С. Рахманинова и др.) на создание прекрасных музыкальных произведений, которые до сих пор звучат в высоких академических концертах и лучших филармонических залах.

Однако говорить о чрезмерной популярности творчества А. В. Кольцова и тогда, и сейчас было бы преувеличением. Чрезвычайно актуальны и ныне слова В. Г. Белинского: «Неужели и в самом деле стихотворное паясничество и кривлянье должны заслонить собою истинную поэзию?.. Чего доброго! поэзия Кольцова так проста, так неизысканна и, что всего хуже, так истинна! <...> Толпа слепа: ей нужен блеск и треск, ей нужна яркость красок, и ярко-красный цвет у ней самый любимый... Но нет — этого быть не может! Ведь есть же и у самой толпы какое-то чутье, которому она следует наперекор самой себе и которое у ней всегда верно! Ведь есть же люди, которые, предпочитая Пушкину и того и другого поэта, тверже всех поэтов знают наизусть Пушкина и чаще всех читают его?.. Кажется, теперь бы и должно быть этому времени, в которое все оценивается верно и безошибочно?» [8, с. 214—215].

Что же должны «верно и безошибочно» оценить наши современники, равнодушные к родной культуре? В первую очередь, представление поэта о месте человека в «Божьем мире» и его предназначении. Рассмотрим последовательно разворачивающееся средствами поэтического языка размышление А. В. Кольцова о человеке, воплощенную в его языке картину мира и сферу чувств, связывающую мир внутренних и мир «внешний».

Дума о человеке

Что ты значишь в этом мире
Дух премудрый человека?
А. В. Кольцов (Вопрос (дума))

«Непостижимая тайна души человеческой», в которой столько «жизни», столько «сторон различных», столько «углов и тайников добрых и злых» (А. В. Кольцовой, 10 января 1841 г., Москва [7, с. 151]), всю жизнь занимала А. В. Кольцова, находя отражение в его стихотворениях и письмах. Доверие и глубокое уважение звучат в определении поэтом внутреннего мира человека:

Целая природа —
В душе человека [9, с. 182],

несмотря на его противоречивость. Несмотря на жестокую борьбу трезвого рассудка и огненных чувств, суровой необходимости и страстного желания «вольной волей жить»:

То себя он ненавидит;
То собой он дорожит;
То полюбит, то разлюбит;
За миг жизни век дрожит...

Даст желаньям ли свободу —
Землю кровью напоит;
Буйной воле даст ли волю —
Под ним море закипит. [9, с. 111]

«Чего не может человек, когда захочет» (В. Г. Белинскому, 28 сентября 1839 г. [Воронеж] [7, с. 92]), — считал поэт. В первую очередь, это касалось сферы познания, ведь «в понимании явлений жизни — лучшая жизнь человека» (А. В. Веневитинову, 22 декабря 1838 г., Воронеж [7, с. 75]):

Живя, проникли глубоко
В тайник природы чудотворной;
Одни познания взяли мы легко,
Другие — силою упорной... [9, с. 196]

Однако А. В. Кольцов тут же констатирует:

Но все ж успех наш невелик.
Что до преданий? — мы не знаем.
Вперед что будет — кто проник?
Что мы теперь? — не разгадаем. [9, с. 196]

Обращаясь к человеческому духу, поэт говорит:

Перестрой же всю природу!
Мир прекрасен... Ты не хочешь...
Нет, премудрый, ты не можешь! [9, с. 131]

На первый взгляд, перед нами — некоторая деформация смысла, невразумительность, неясность речи. На самом деле — это отражение неизбежного бессилия человеческого разума в постижении великих тайн мироздания. «Премудрый» человек и до сих пор не может определить пределы своих возможностей и свое предназначение. В дерзком покушении на роль Творца он оказывается разрушителем этого самого «прекрасного мира», что и было интуитивно понято поэтом.

Именно поэтому он говорит:

Будь человек, терпи!
Тебе даны силы,
Какими жизнь живёт
И мир вселенной движет. [9, с. 169]

Ключевое слово в этом четверостишье — **даны**, которое указывает на существование внешнего источника этих сил, на их **привнесённость**.

Откуда?

Здесь А. В. Кольцов подводит нас к важнейшей мысли о сущности человека, о том, что человек — это **Божье создание**:

Все, что есть, — все это Божье;
И премудрость наша — Божья. [9, с. 132]

«Бездна сил, идей», которая дарована человеку Богом, воплощается в его действиях, поступках, за которые человек несет ответственность перед Богом:

Но не грех ли мне
Будет от Бога —
Обижать людей
За их доброе?

В церкви поп Иван
Миру гуторит,
Что душой за кровь
Злодей поплатится... [9, с. 104]

И это — **высшая** ответственность.

И в этом — **высшая** справедливость.

Определяющее значение для человека, по А. В. Кольцову, имеет нравственное начало: «... если в чьей груди не лежит нравственного сознания о самом себе — беда» (А. В. Кольцов, 10 января 1841 г., Москва [7, с. 151]). Нарушить нравственный долг — значит переступить черту, лишиться того, что делает человека **Человеком**:

Я знаю: сильному удобно
Невинных ранить, — даже сродно...
Но тот не человек — злодей! [9, с. 79]

Это осознание заставляло поэта пересматривать жизненные ценности, жизненные ориентиры, входило в прямое столкновение с реальностью, в которой он был торговцем, а «где торговля, там и подлость» (В. Г. Белинскому, 15 августа 1840 г., Воронеж [7, с. 127]). «Не делай упущений по торговле, а много, много посвяти себя я одной торговле — и у меня давно уж был бы большой капитал; но сам бы я ни к черту не был уж годен, — писал А. В. Кольцов своему другу и наставнику В. Г. Белинскому. — Я верно приобретаю часть, а четыре упускаю — и не жалею, Бог с ними!» (В. Г. Белинскому, 15 августа 1840 г., Воронеж [7, с. 129]).

Истинное назначение человека А. В. Кольцов видел в жизни духовной. Это была цель, к которой он все время стремился: «...**знаю**, что есть лучше этой жизни, **знаю** прелесть Божественных идеалов, и как они человеку необходимы, и как без них человек — скотина» (В. Г. Белинскому, 23 октября 1841 г., Воронеж [7, с. 203]). Однако действительность не совпадала с желаниями поэта, и этот зазор был постоянным источником мучений и во многом определил трагичность его судьбы: «Нет голоса в душе быть купцом, а все мне говорит душа день и ночь, хочет бросить все занятия торговли — и сесть в горницу, читать, учиться. Мне бы хотелось теперь сначала поучить хорошенько свою русскую историю, потом естественную, всемирную, потом выучиться по-немецки, читать Шекспира, Гете, Байрона, Гегеля, прочесть астрономию, географию, ботанику, физиологию, зоологию, Библию, Евангелие и потом года два поездить по России, пожить сначала год в Питере» (В. Г. Белинскому, 15 августа 1840 г., Воронеж [7, с. 127]).

Творческая, «пламенная» натура Кольцова не принимала и сухой учености: «Был у меня третий Станкевич. Он как-то странно переменялся, зарылся в науку, в формальность, математически сурьезно. Оно хорошо с молодых лет поучиться хорошенько, а все-таки странно видеть человека ученого, сухого, без огня в душе и без фантазий жизни» (В. Г. Белинскому, 20 февраля 1840 г., Воронеж [7, с. 107]).

Размышления, раздумья часто приводили поэта к вопросам о тех предметах, которые «не дано нам понимать»:

За могилой
Речь безмолвна;
Вечной тьмою
Даль одета...
Буду ль жить я
В бездне моря?

Буду ль жить я
В дальнем небе?
Буду ль помнить,
Где был прежде?
Что я думал
Человеком?.. [9, с. 130—131]

Не задавать эти вопросы А. В. Кольцов не мог, но и ответа на них у поэта не было, как нет его и у человека XXI в.. Разрешение своих противоречий поэт находил в молитве:

О, гори, лампада,
Ярче пред распятем!
Тяжелы мне думы,
Сладостна молитва! [9, с. 106]

Вера в Бога, в Божий промысел позволяла поэту светло и высоко думать о Человеке:

Все творенья в Божьем мире
Так прекрасны, хороши!
Но прекрасней человека
Ничего нет на земли! [9, с. 111]

Именно пламенная Вера давала ему надежду на духовное просветление на основе просвещения:

Но изменятся стремленья,
Озарится светом* ум —
И своей он красотой
Все на свете помрачит... [9, с. 111]

Вот поэтому в поэзии А. В. Кольцова

Мир прекрасен...

То мрачна, то светла
Чудная природа
А. В. Кольцов (*Великая тайна (дума)*)

«Мир есть тайна Бога» — говорит А. В. Кольцов в одной из своих дум. Эта тайна волновала поэта не меньше, чем тайны человеческой души. Уже в детстве он познал красоту природы, столкнулся с загадочностью, таинственностью многих ее явлений. Все это заставляло пытливого ума поэта задаваться вопросами:

Что же совершится
В будущем с природой?.. [9, с. 105]
О чём шумит сосновый лес?
Какие в нём сокрыты думы?
Ужель в его холодном царстве
Затаена живая мысль?.. [9, с. 168]

Опыт общения с природой подсказывал ему: она — живая, одухотворенная, разумная:

* Здесь и далее — выделено нами. — Л. К., С. Ч.

Горит огнем и вечной мыслью Солнце;
Осенены все той же тайной думой,
Блещут Звезды в беспредельном небе;
И одинокий, молчаливый Месяц
Глядит на нашу землю светлым оком. [9, с. 141]

Природа в творчестве А. В. Кольцова предстает родными для поэта — степью, полем, пашней, лесом, лугом, рекой, озером. И наряду с этими широкими концептуальными пространственными явлениями он видит в окружающем мире такие детали, которые способен заметить только человек тонкой душевной организации:

Уж рощей лиственный сень
Росой **коралльной** дымится,
И **чуть заметливая** тень
На доли, на поля ложится [9, с. 83]

Вдали там тихо и приятно
Раскинулась березы тень. [9, с. 94]

Природы милое творенье,
Цветок, долины украшение <...>
Скажи: зачем ты так алеешь,

Росой заискрясь, пламенеешь
И дышишь чем-то, как живым,
Благоуханным и святым? [9, с. 123]

Но все-таки особое место в жизни и творчестве А. В. Кольцова занимает степь. Именно в степи, по воспоминаниям самого поэта, он сочинил свое первое стихотворение. «Почти во всех его стихотворениях, в которых степь не играет никакой роли, есть что-то степное, широкое, размашистое и в колорите, и в тоне. Читая их, невольно вспоминаешь, что их автор — сын степи, что степь воспитала его и взлелеяла» — писал В. Г. Белинский [4, с. 82]. Самый яркий, колоритный образ степи А. В. Кольцов создал в своем бессмертном «Косаре»:

Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылем-травой
Расстилается!..
Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Чёрному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришёл:
Я пришёл сам-друг
С косою вострую;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелось... [9, с. 116]

Восторженные строки, посвященные степи, находим мы и в письмах поэта: «А степь опять очаровала меня; я черт знает до какого забвения любовался ею. Как она хороша показалась! И я с восторгом пел: «Пора любви» — она к им идет» (В. Г. Белинскому, [15 июня] 1838 г., Воронеж [7, с. 65]).

Степь — пространство, где человек может ощутить себя вольным соколом. Но еще более родное и привычное для русского крестьянина испокон веков пространство — пашня, пашенка, нива, ржаное поле. Их поэт называет «**СВЯТОЙ КОЛЫБЕЛЬЮ**».

В знаменитой «Песне пахаря», которая стала вершиной «поэзии земледельческого труда» (Г. Успенский), А. В. Кольцов показал радость крестьянского труда, происходящей от гармонии селянина с окружающим миром:

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!
Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую. [9, с. 95]

Это стихотворение не мог написать человек, не знавший условий крестьянского труда, не увидевший за всеми внешними атрибутами глубинной сути крестьянской души. Некоторые места из переписки А. В. Кольцова подтверждают эти выводы: «На сельское русское хозяйство надо смотреть по-русски, а не по-немецки. Немецкие методы нам не годятся, и их орудия — не наши орудия. Наш чернозем любит соху, а чтобы улучшить соху, надо улучшить руки людей, которые ею работают. Дело и в орудии; но дело и в умении управлять им. Можно и на одной струне играть хорошо, а глупец и на четырех уши дерет» (В. Г. Белинскому, 15 августа 1840 г., Воронеж [7, с. 134—135]).

Так в поэзии А. В. Кольцова выстраивается образ родной земли, которая окружает человека:

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горах — леса, сады, дома <...> [9, с. 178]

Родная земля, требующая неустанного труда, формирует и обуславливает способность человека стойко переносить все беды и невзгоды. О своем характере, подчеркивая его типичность для русского народа, поэт говорит следующее: «Нет, духом я не упал, и беде моей смотрю в глаза прямо, и грудь не сокрыта пред ней. Я не бегу, а стою и жду бури: сломит — упаду, выдержу — пойду вперед. Но не стану перед ней на колена, не буду слезно молить о пощаде и бабой выть; нет, этого не будет! Я русский человек. Шапку снимем пред грозой, а в сердце кровь не остановим; холод по телу пустим, но в теле не удержим» (А. А. Краевскому, [ноябрь 1839 г., Воронеж] [7, с. 99—100]).

Этот живой огонь в крови, пламень чувства, жар души, заревые всполохи страсти давали поэту вдохновение, вызывали звучный отклик на

Любви приветный глас...

Любовь и дружба! Ты дороже
Всего на свете...
А. В. Кольцов (Молодой чете)

Тема любви неслучайно стала одной из центральных в творчестве А. В. Кольцова. Это страстное чувство пламенеющей любви, того «истинного добра», что составляет земное счастье, наполняло душу поэта, позволяло «открытой грудью стоять перед жизнью, злобою людскою», преодолеть черную думу, что «тяжелей горы, темней полночи легла на сердце», несло с собой спасительное ощущение сердечного жара и силы, выраженное в жизнеутверждающем восклицании юноши:

Не хочу я другой
Жизни в жизни моей! [9, с. 48]

и в итоговом восхищении уходящей земной жизнью, где остаются

И сердца жизнь живая
И чувства огонь святой,
И дева молодая
Блестает красотой! [9, с. 197]

Как известно, первый опыт любви оказался для поэта печальным: расчетливый и властный отец, не одобрявший выбор сына, навсегда разлучил его с возлюбленной. Это был один из самых трагических моментов судьбы А. В. Кольцова, серьезно повлиявший на весь его последующий жизненный путь. Поэт не раз в стихотворениях вспоминал свою первую любовь:

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;

Был у ней в глазах небесный свет,
На лице горел любви огонь. [9, с. 176]

Утратив то, что было мило,
Напрасно вновь к себе зову;
Напрасно тень подруги милой
Хочу я видеть наяву.

Теперь с тобой одно свиданье
Какой ценою б не купил;
Я за твое существованье
Земною б жизнью заплатил! [9, с. 76]

Пережив личную трагедию, А. В. Кольцов, по словам В. Г. Белинского, «почувствовал себя уже не стихотворцем, одолеваемым охотою слагать размеренные строчки с рифмами, без всякого содержания, но поэтом, стих которого сделался отзывом на призывы жизни, грудь которого носила в себе богатое содержание для поэтических излияний» [4, с. 86].

Уже в его ранних стихотворениях мы обнаруживаем впечатляющее описание сердечных переживаний:

Если встречу с тобой
Иль увижу тебя, —
Что за трепет, за огонь
Разольется во груди.

Если взглянешь, душа, —
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем
Пред тобою стою! [9, с. 46, 48]

Дальнейшая эволюция поэтического мастерства, освоение фольклорных средств выразительности (прежде всего, образных параллелизмов), позволили А. В. Кольцову создать настоящие шедевры литературно-народной песни, в которых описание чувств влюбленного, преломляющихся сквозь призму явлений природы, достигает небывалой силы:

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы...
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко. [9, с. 100—101]

В стихотворениях, посвященных теме любви, А. В. Кольцов много места уделяет воспеванию земных радостей, сердечных наслаждений:

Сладострастными руками
Кругом шеи обовьюсь,
Ее черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь!

Беззаботно к груди полной,
Как пчела к цветку, прильну,
Сладострастьем усыпленный,
Беспробудно я засну. [9, с. 100]

«В физической жизни есть жизнь не скотская, а человеческая, святая <...> — рассуждает он в письме к В. Г. Белинскому. — Готов до гроба всей душой любить я жизнь духовную, готов обожать и благоговеть перед теми образами, которые в горькие минуты нашей жизни являются к нам, как ангелы-утешители, готов любить и долго, и свято красоту земную. Но встретиться вновь милая женщина, эта живая волшебница земной действительности, несмотря на слабое мое тело, упаду опять весь в ее горячие объятия, — и умереть, когда это будет необходимо» (В. Г. Белинскому, 23 октября 1841 г., Воронеж [7, с. 203—204]).

Загадочную и великую силу любви, ее способность вдохновлять человека на самые смелые поступки, изменять его представления об окружающем мире поэт описывает в русской песне «В поле ветер веет...»:

Что ему дорога!
Тучи громовые!
Как придут по сердцу —
Очи голубые!

Что ему на свете
Доля не людская,
Когда его любит —
Она, молодая! [4, 149—150]

Об этом же читаем и в переписке А. В. Кольцова: «Жизнь переменилась, недоступная дверь блаженства растворилась для меня. Один человек так перестроил весь Воронеж, весь мир, весь свет, всего меня. Откуда и как все это пришло и сделалось, и сам еще хорошенько не знаю.<...> всю жизнь мою я не жил такую жизнью: ни дня, ни минуты; а если и жил, то когда-то давно, в огне первой юности, и то, может быть, жил тогда так потому, что сама кровь была кипятком. Теперь и эта полуостывшая холодная кровь закипела бывшим огнем, но пламенней, но этот огонь продолжительней. Этому наслаждению конца нет; я весь утонул в блаженстве до самозабвения, до исступления. Она в одну минуту сдела-

ла из меня другого человека, и я уж не на шутку боюсь за себя» (В. Г. Белинскому, 1 марта 1841 г., Воронеж [7, с. 178—179]).

Любовь для поэта является кипящим источником полноценной, истинной жизни, в которой духовное начало всегда должно превалировать над телесным.

«Постигнуты вы судьбою — не унывайте пред горем, лишь бойтесь погасить искру сердца, искру чувства и любви священной. Это сокровище я вечно ни с чем не сравню и ни на что не променяю» (Неизвестному лицу, [1831 г., Воронеж] [7, с. 9—10]). Таково духовное завещание поэта, несущего в мир **огонь** и **свет**.

Сегодня возвращение в жизнь всего общества и каждого человека **духовного** смысла бытия — вопрос жизни и смерти русского народа.

Обращаясь к культурной традиции, воплощенной в слове А. В. Кольцова, мы выполняем важнейшую задачу: собирание Русского Духовного Дома и собственной души.

*Воронежский государственный университет
Кольцова Л. М., доктор филологических наук,
зав. кафедрой русского языка филологического
факультета*

*Чуриков С. А., аспирант кафедры русского
языка филологического факультета*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Алексей Васильевич Кольцов / М. Е. Салтыков-Щедрин // Н. Щедрин (М. Е. Салтыков) о литературе. — М., 1952.
2. *Переверзenceв С. В.* Россия. Великая судьба / С. В. Переверзenceв. — М., 2007.
3. Условие Sine qua поп... Цивилизация и традиция / Д. Володихин [и др.] // Традиции и русская цивилизация. — М., 2006.
4. *Белинский В. Г.* О жизни и сочинениях Кольцова / В. Г. Белинский // Полн. собр. соч. : в 9 т. — М., 1982. — Т. 8.
5. *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем / Н. А. Некрасов. — М., 1952. — Т. 10.
6. *Новикова А. М.* Русская поэзия XVIII — первой половины XIX в. и народная песня / А. М. Новикова. — М., 1982.
7. *Кольцов А. В.* Сочинения : в 2 т. / А. В. Кольцов ; подгот. текста, вступ. статья, примеч. В. А. Тонкова. — М., 1961. — Т. 2.
8. *Белинский В. Г.* Стихотворения Кольцова / В. Г. Белинский // Полн. собр. соч. : в 9 т. — М., 1976. — Т. 1.
9. *Кольцов А. В.* Полное собрание стихотворений / А. В. Кольцов ; вступ. статья и примеч. Л. А. Плоткина. — М., 1958.

*Voronezh State University
Koltsova L. M., Doctor of Philology, Head of the
Russian Language Department*

*Churikov S. A., Post-graduate Student of the
Russian Language Department*